

РУССКАЯ ТИШИНА

Мария Мономенова

Приезжайте в Оптину, чтобы встретить здесь Россию.
Приезжая в Оптину, учитесь боговдохновенно молчать.
нрм. М.

«**О**, красота моя Оптинская! О, мир, о, тишина, о, безмятежие и не-
; преходящая слава Духа Божия!..
О, благословенная Оптина!» — более ста лет назад на берегах Божией реки молитвенно восклицал выдающийся русский мыслитель Сергей Александрович Нилус. Каждое светило светит своим особенным светом, и солнце отличается от луны, а луна от звёзд. Так и у каждой святой обители — свой неповторимый и только ей присущий дух. Да, воистину, Оптина — есть тишина благодатного созерцания и полнота кротости. Оптина — бесстрастный мир молитвенного безмолвия и сокровенная келья для умного сердца. Какое дивное слово для описания духа святой обители нашёл Сергей Александрович: «безмятежие»... Какое «Божие» слово и насколько в точности оно «оптинское»! Как тут не вспомнить премудрое благословение апостольское: «Да будет украшением вашим... сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа...» [1 Пет 3:3–4]. Святой праведный Иоанн Кронштадтский, великий заступник земли русской, говорил, что удостоившиеся дара молитвы в своём подвиге представляются как внимающие внутреннему их Посетителю — Господу; они улыбаются от сладости и неги и самим своим существом внушают пренебесный покой миру. Да, таковы оптинские старцы! В точности таковы. Целые сто лет дивный ангельский сонм огненным столпом непрестанной молитвы простирался

от земли и до самого неба. Сто лет боговдохновенной тишины молитвенного послушания Богу — такого не знал даже Афон!

Ни с чем не сравнимый сладкий оптинский дух различали многие, называя обитель «земным раем»: «Благословенная Оптина пустынь, — писал святитель Игнатий Брянчанинов, — приглянулась мне... вдохновлённую тишиною». «Ношу в душе образ вашей мирной обители», — делился с братией преосвященный Евсевий, епископ Винницкий. «Оптина поражала своей внутренней тишиной...» — замечал выдающийся отечественный мыслитель Константин Леонтьев. «Это был чудный духовный оазис, где повторялись благодатные дары первых веков монашества, главный из которых — старчество», — писал буквально влюблённый в Оптину Иван Концевич. Воистину, старчество есть сама соль оптинская, высочайшее достижение жизни Церкви, цвет и венец её духовного подвига. Подобно пророкам апостольских времён, оптинские старцы отличались высшим из всех даров — даром рассудительности, а также прозорливостью, дарами исцеления и чудотворения. Оптина пустынь стала главным центром, средоточием традиции так называемого исихазма (*греч.* молчание, безмолвие), в основе которого лежит подвиг «умного делания», основоположниками которого в аскетической традиции считаются древние египетские пустынножители. Цель подвига заключалась в достижении

совершенного внутреннего безмолвия, при котором оказывалась единственно возможной умно-сердечная молитва — венец и полнота подлинного богообщения. Из этого-то безмолвия и произрастал, осознанно или интуитивно, примечаемый многими особый оптинский дух дивного «безмятежия».

А между тем перед октябрьским переворотом 1917 года в Российской империи насчитывалось более тысячи монастырей, около ста тысяч храмов, но огромный поток богомольцев, чувствуя здесь особое присутствие Божие, устремлялся именно сюда, в далёкую Оптину. «Всякая душа ищет тепла сердечного, ласки, безгрешности, — проникновенно размышлял о русском богоискательстве ещё один прекрасный отечественный мыслитель, Иван Ильин. — В душе русского человека живёт бесконечная жажда праведности, чистоты, желание хоть раз в жизни коснуться безгрешности. В самую нашу сущность входит мечта о совершенстве, жажда приблизиться к нему, помысел о «спасении души», вздох о Божием, взыскание Града, готовность преклониться перед праведником хотя бы только перед смертью». Хибарки оптинских старцев были открыты для людей всегда, и ни один из богомольцев не уходил неутешенным.

Позднейшие исследователи феномена оптинского старчества отмечали важную и, несомненно, промыслительную особенность подвига каждого из угодников. Если прп. Лев как бы вышел из монастырской ограды навстречу простому народу, установил первый контакт с миром, то прп. Макарий положил начало глубокой связи между монашеством и интеллигенцией. Именно при нём Оптина стала важнейшей частью не только духовной, но и культурной жизни России. Старец Амвросий на протяжении долгих десятилетий оставался для всей России своего рода символом Оптиной, беседы с ним, его утешения и совета искали тысячи русских людей. Многие представители интеллигенции — творческой и научной — посещали знаменитый монастырь. Сюда приезжали братья Киреевские, А.С. Хомяков, Н.В. Гоголь, И.С. Аксаков, В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев, П.А. Вяземский, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, С.М. Соловьёв, К.Н. Леонтьев (в монашестве Климент),

С.А. Нилус, В.В. Розанов, свящ. Павел Флоренский; академики М.П. Погодин и С.П. Шевырев; почти все Гончаровы (родственники А. С. Пушкина по жене Н.Н. Гончаровой), С.А. Есенин, прот. Иосиф Фудель, товарищ обер-прокурора Св. Синода князь Н.Д. Жевахов; посещали обитель П.И. Чайковский, Н.Г. Рубинштейн, граф А.П. Толстой (человек святой жизни, который непрестанно молился и даже носил вериги), Великий Князь Константин Константинович Романов (президент Императорской Академии Наук, религиозный философ, поэт), преподобномученица Великая Княгиня Елизавета, К.Э. Циолковский, Л.В. Чижевский; в конце 1927-го или в начале 1928 года к старцам приезжали Г.К. Жуков, в будущем великий русский маршал, Г.М. Маленков, впоследствии Председатель Совета Министров СССР, и многие другие, составлявшие воистину цвет и славу русской нации.

Оптинские старцы всегда могли найти слова, чтобы ответить на вопросы ищущих людей. Так через образованных паломников оптинское влияние постепенно проникало в самые разные слои общества и явилось средоточием возрождения религиозного самосознания России.

О значении Оптинской обители священник Павел Флоренский писал: «Если начать проследивать мысленно самые разнообразные течения русской жизни в области духа, то непосредственно или посредственно мы всегда приводимся к Оптиной как духовному фокусу, от соприкосновения с которым возжигается дух, хотя бы потом он раскрывался и в иных, чем собственно-оптинское, направлениях... Оптина у подошедшего к ней родит убеждение, что этот новый взгляд на мир не случайное настроение, а доступен развитию, углублению и обогащению, и что он, переходя в постоянный опыт иной действительности и жизнь в ней, подступая к краям нашего сознания, может изливаться оттуда как новое культурное творчество, как новая наука, новая философия, новое искусство, новая общественность и новая государственность. Вот этот-то невидимый, но могучий вихрь иной жизни, уже столько давший, уже питавший русскую культуру... этот вихрь, за который все мы должны ухватиться как за ценнейшее достояние нашей современности».

Трудно с уверенностью сказать, было ли в России за всю её историю место, где бы общество людей настолько приблизилось к идеалу христианских отношений. Нигде в России святое братство, насчитывающее около 300 человек, не имело такого обширного освящающего влияния на свой народ, как в Оптиной. Здесь рождалась жизнь, исполненная страданий за судьбу Православия, подлинное благо Родины, за идею оградительного национализма, основывающуюся на хранении святоотеческого наследия, на котором создавалась и зиждилась Великая Россия. Отнюдь не в искании новых путей, а в твёрдом пребывании в той вере, в которой жили и действовали оптинские старцы — истинные стяжатели даров Духа Святаго.

Сто лет удивительной, поистине апостольской проповеди — самого громкого и самого деятельного в мире безмолвия. Много это или мало? И удалось ли нарушить столетнюю тишину?

* * *

«Рече безумен в сердце своём, несть Бог», и разбился «русский корабль» о рифы грозного двадцатого века. Сбылись предначертанные великими старцами-тайновидцами страшные пророчества о «надвигающемся шторме». Преподобный старец Варсонофий (Плиханков) зорким оком русского пророка задолго до революции 1917 года прозревал надвигающуюся катастрофу, мистически объясняя её истоки: «Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными силами человека. Это сила посторонняя, злая сила. Источник её — диавол... Это антихрист идёт в мир. Это его предтечи. Что-то мрачное, ужасное грядёт на нас, человек остаётся как бы беззащитным. Настолько им овладевает эта злая сила, что он не сознаёт, что делает».

И вырвался из самой преисподней легион, и грянул бесовский бунт. Под гиканье и улюлюканье врага рода человеческого, в чаду роковой одержимости, с неистовой силой, своими собственными руками русские люди принялись уничтожать самих себя. Как в евангельском повествовании о Гадаринском бесноватом, когда, выйдя из человека, вошли бесы в свиней и, вопреки всем законам жизни, бросилось стадо

с крутизны в озеро и потонуло, — на глазах у всего мира происходило необъяснимое самоуничтожение русской цивилизации: рывались зримые канаты, вековечные вязи, ломались чугунные скрепы наивной в своей святости народной памяти, той, что премудро пронзала длинное время русской истории, бережно собирая самобытное национальное пространство в единое могучее одухотворённое целое. Умучили родимую, упала истерзанная. Сонмы ангельские пели тогда о России, и сама Владычица Небесная своими пречистыми перстами покров над многоскорбной расстилала.

В 1923 году в Казанской церкви Оптиной пустыни на праздник Преображения Господня ночью была совершена последняя Божественная литургия, а уже в шесть часов утра того же дня храм был опечатан. Таким образом, монастырь фактически перестал существовать.

Но природа зла несовершенна, оттого всякое зло уязвимо и не имеет абсолютной власти, потому-то и опустошить смогли только зримое, а Дух России — в его нетленной красоте мирен остался, ибо только мирен дух способен творить молитву. Кто знает, быть может, ради одной только этой битвы столетие собирала знаменитая обитель свою духовную мощь, свои земное и небесное воинства.

И вот тогда, в роковую для нашего Отечества пору, явилось миру сокрытое до времени чудо — звенящая как удары бича русская тишина. Это внезапно оборванное дыхание, которое так часто недруг принимал за нашу смерть. Это напряжение от повисшей в пространстве неизвестности, когда, дойдя до края, самонадеянный ум отказывается что-либо понимать и готов уже праздновать победу, но что-то говорит — рано. Это когда глаза перестают видеть и всякие зримые ориентиры утеряны. Да, именно в этот момент, находясь между жизнью и смертью, между небом и землёй, не растревоженная внешними бурями и волнениями, в совершенном «безмятежии» молится Богу русская душа — вдохновенная, пламенная, открытая лишь тем, кто единого духа с ней... И решаются судьбы мира, удерживаются грозные вихри, выправляются колеи и вновь обращаются на пути Божии потерявшие Смысл. «Сколь много в монашестве смиренных и кротких, — восклицал ещё один русский боговидец

Фёдор Достоевский, — жаждущих уединения и пламенной в тишине молитвы... и сколь по-дивились бы, если я скажу, что от сих кротких и жаждущих уединённой молитвы выйдет, может быть, ещё раз спасение земли русской!»!

Да, воистину судьбы оптинских старцев неотделимы от судьбы России. Они, по сути, и есть само средоточие подлинного духа нашего, сама глубинная её сущность, заключающаяся в феномене русской святости, — потому-то Русь в простонародье и зовётся святой.

«Будет шторм, — пророчествовал накануне роковых событий старец Анатолий, — и русский корабль будет разбит. Да, это будет, но ведь и на щепках и обломках люди спасаются... Надо молиться, надо всем каяться и молиться горячо... И явлено будет великое чудо Божие, да. И все щепки и обломки волею Божией и силой Его соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль в своей красе и пойдёт своим путём, Богом предназначенным».

Что говорить, евангельское чудо сопровождает Россию сквозь века. С самого её изначалия, когда в конце X века вошли в купель святого крещения племена языческие, а вышел из купели русский народ. Оглядываясь на события отечественной истории, православный

наблюдатель повсюду найдёт несомненные следы промыслительного Божия попечения о России. Можно сказать больше: нет у России истории в её привычном понимании, а есть — житие! События здесь происходят почти всегда вопреки объективным закономерностям, свидетельствуя о том, что определяют историю не земные, казалось бы, незыблемые законы, а указания Божии, сокрушающие «чин естества» и недалёкий человеческий расчёт.

С этого «вопреки» берёт своё начало умом не постигаемое житие святой Руси, отразившееся в живом попечении о её судьбе великих подвижников оптинских, в значительной мере благодаря которым оказалось возможным подлинное Божие чудо, о чём осенью 1917 года метко выразилась святая страстотерпица Елизавета Фёдоровна Романова: «Россия погибла, но Святая Русь жива».

* * *

Отмерила Россия и эту сотню лет. На берегах Божией реки всё так же оглушительно тихо! В духе обоюдоострого безмолвия Оптина пустынь готова встретить новую сотню, быть может, ещё более грозную, чем прежде... Да, здесь всё ещё только начинается!

